

И. И. СЕМЕНЕНКО

ЧИТАТЕЛЮ КОНФУЦИЯ

*От речи требуется только
выразительность.*

(15.41)

Конфуций, лучшие его ученики и последователи всегда призывали относиться к собственным словам с большим вниманием и осторожностью. И такое же первостепенное значение они придавали речам других. В последующей конфуцианской традиции вообще считалось, что «благородный муж» способен своим словом «привести в движение» весь космос. И вот сейчас перед читателем Слово человека, которое «питает» китайскую культуру уже более двух тысячелетий. Оно тоже, безусловно, требует к себе большого внимания и особого подхода. Но внимать Конфуцию, слушая его непосредственно, мы уже, к сожалению, не можем. А записанное слово ценится, как известно, значительно ниже. Этому нас учил еще Платон. И все же из того, что до нас доходит из былого, оно, пожалуй, представляет наибольшую ценность (ее величина, правда, зависит и от нас: сумеем ли мы омертвевшее в записи слово хотя бы немного оживить). Таким ценным кладезем древней мудрости Конфуция стала книга «Изречения» (*Луньюй*).

Ее уникальность заключается в том, что, по общему признанию, эта книга с наибольшей достоверностью запечатлела «труды и дни» первоучителя китайской нации. Впрочем, высказывались по данному поводу и различные сомнения. Давно известно, например, что эта книга неоднородна по языку и стилю, в ней есть ранние и более поздние фрагменты. Самой древней, восходящей к историческому Конфуцию, частью исследователи признают главы 3–8, но нередко считают достоверными отрывки из первых девяти, пятнадцати, а то и всех двадцати глав *Луньюя*.

Как отмечали еще в средневековом Китае, эта книга не принадлежит «одной кисти». Она представляет собой запись высказываний Конфуция, сделанную в разное время его последователями после смерти учителя, запись, которая впоследствии сокращалась, распространялась в нескольких вариантах, подвергалась литературной обработке.

И все же будет правильным рассматривать *Луньюю* как целостное произведение. Ведь даже сторонники строгой источниковедческой фильтрации признают в ряде случаев близость по содержанию поздних фрагментов к более ранним. В этих условиях риск упустить какую-нибудь важную мысль Конфуция или даже намек на нее представляется по крайней мере не меньшим, чем опасность приписать что-либо чуждое его учению. Аутентичность значительной части книги *Луньюю* свидетельствует о достоверности традиции ее текста как определенного источника сведений о Конфуции. В рамках этой традиции и более поздние фрагменты приобретают дополнительный вес. В любом случае «Изречения» появились достаточно рано, они складывались на протяжении V в. до н. э. и отражают один из первоначальных периодов формирования древнего конфуцианства.

Близость этой книги Конфуцию подтверждает ее стиль. Она поражает современного читателя своей

внешней бессистемностью, какой-то нарочитой неупорядоченностью и фрагментарностью. То, что ее современный текст разбит на главы, названные по первым словам каждой из них, является сугубо формальным приемом, который лишь подчеркивает эту хаотичность. Никак не выделяются начало и конец книги. Отрывочность предпочитается связности не только в целом, но и на уровне фрагмента. *Лунью* состоит из небольших диалогов, рассуждений и разрозненных афоризмов; многие высказывания, включающие более одной фразы, по сути, распадаются на обособленные изречения.

Это непрерывное внутреннее дробление, пронизывая как сквозняк всю книгу, расшатывает перегородки между фрагментами и усиливает общее впечатление хаотичности. По той же причине *Лунью* оказывается чрезвычайно открытым текстом, разомкнутым как снаружи, так и изнутри.

Обратной стороной этой фрагментарности является поразительный лаконизм «Изречений».

Три сотни Песен заключены в одной строке... (2.2)

— говорит Конфуций, пытаясь одной фразой выразить смысл древнекитайского поэтического свода, почитаемого им как источник неисчерпаемой мудрости. Первоучитель связывает истину с немногословностью и бывает порой так лаконичен, что ставит многих своих учеников (как и современных исследователей) в тупик (см., напр., 4.15).

Лапидарность *Лунью* в значительной мере способствует тому, что речь Конфуция кажется отрывочной, даже вызывает порой ощущение недосказанности. Но основная причина фрагментарности «Изречений» другая: требование внешнего соответствия, соотнесенности с обстоятельствами, декорума или этикета, в котором Конфуций видит один из важнейших жизненных

принципов (см., напр., 9.30), определяющих и характер речевого общения между людьми.

Вот два типичных примера. Один из них — фрагмент хотя и не связанный непосредственно с именем Конфуция, но прекрасно иллюстрирующий его убеждение в том, что название напрямую зависит от конкретной ситуации, в которой оно дается:

Государь удельного владения зовет свою жену «супругой»; его супруга называет себя «деткой»; люди их удела зовут ее «супругой государя», а при общении с людьми других уделов называют «малым государем»; люди же других уделов зовут ее «супругой государя» (16.14).

А так Конфуций рассуждает о «трех ошибках», допускаемых при общении с человеком, которого он относит к категории «благородных мужей»:

Говорить, когда не время говорить, — это опрометчивость; не говорить, когда настало время говорить, это скрытность; и говорить, не замечая его мимики, — это слепота (16.6).

Уместность, декорум речи становится ее важной характеристикой, определяющей соответствие сказанного времени и обстоятельствам.

Жизненных ситуаций может быть до бесконечности много, их последовательность не подчиняется заранее намеченной логической схеме, поэтому и адекватной формой изложения, которое ориентируется на конкретный случай, служит именно отрывок, цепочка фрагментов, открытая для неисчерпаемого продолжения.

Но примечательно, что при такой глубинной ориентации на случай текст о нем постоянно умалчивает: многие высказывания в *Луньюе* предваряются лишь словами «Учитель сказал» без раскрытия вызвавшей

их конкретной ситуации. Это означает, что, хотя и не зафиксированная, она обязательно предполагается при чтении этой книги, истинный смысл которой раскрывается лишь человеку, ощутившему именно себя неназванным собеседником Конфуция. «Изречения», собственно, и не книга в привычном понимании, а скорее беседа с теми, кто к этому готов.

Излюбленное занятие Конфуция — определение понятий, но не однозначное, а в зависимости от того, с кем и при каких обстоятельствах он общается. Особенно много примеров такого рода можно привести из его бесед с учениками. Наиболее ярко это проявилось в эпизодах, когда он, отвечая на один и тот же заданный ими вопрос, давал каждому противоположные ответы (см. 2.5–2.8; 11.22).

Конфуций оперирует понятиями и определениями как знаками. Истинное, т. е. правильное, понятие или определение есть символ, отображающий как определяемый предмет, так и всю ситуацию, в которой он дается. В эту ситуацию включается и субъект познания, что придает понятиям Конфуция субъективную окраску. Но такая субъективность не равнозначна релятивизму, ибо представляет собой лишь конкретизацию общего положения.

В отличие от Сократа, который разбирает частные случаи и отыскивает среди них более общие ситуации, идя от конкретного к абстрактному, Конфуций ищет общее в пределах конкретного. Он не разделяет примеры по степени охвата ими явлений действительности, а указывает конкретные ситуации, между которыми наблюдается полное равноправие. Каждая из этих ситуаций — лишь отдельный, хотя и существенный, признак искомого явления. Но у Конфуция они предстают конечными и вполне исчерпывающими определениями. В данном случае происходит отождествление

части с целым, частного с общим. Ориентируясь на «все, пронзенное одним», он стремится представить это всеединство в слиянии с частным и конкретным. Поэтому его понятия есть не просто этикетные знаки, а символы, выражающие через отдельные частные представления и образы идею целостности мира. Они составляют разновидность интеллектуальной символики с разомкнутым бесконечным смыслом.

С этим связано то, что можно было бы назвать терминологическим протеизмом Конфуция. Давая свои определения, первоучитель в зависимости от ситуации высказывается то так, то иначе, но каждый из этих вариантов уводит в бесконечную глубину к единой сути и потому неизменно оборачивается тождеством с другими высказываниями. Исходный мотив как бы постоянно повторяется в разных по форме, но близких по содержанию смыслообразах. Это семантическое единство терминов обуславливает их принципиальную метафоричность. Каждая категория в определенном плане оказывается иносказанием и знаком другой. Стоит только, как нить в клубке, «ухватить» один из терминов, и он потянет за собой все остальное. Например, принцип приспособления к обстоятельствам в качестве важнейшего жизненного правила есть лишь иное обозначение категории справедливости, которая тождественна тому, что делается в положенное время, посезонно (ср. 1.5 и 5.16), и несовместима с абстрактной преднамеренностью (см. 4.10).

Это терминологическое «оборотничество» восходит к архаическим формам человеческого сознания и способствует выявлению истинного смысла этикетности в «Изречениях». Этикетность в первую очередь связана с понятием ритуала (*ли*), которое отождествляется именно с принципом уместности: Конфуций часто говорит о «незнании ритуала» как о нарушении соответствия между конкретным видом ритуального

действия и социальным положением того, кто его совершает (см. 3.1, 3.2, 3.6 и т. д.). Религиозный ритуал оказывается у Конфуция в основе всех общественных и нравственных норм, включающих и словесный этикет.

Не говори того, что чуждо ритуалу,

— наставляет первоучитель своего любимого ученика (12.1). А это означает, что текст *Луньюя* с его этикетностью и оборотнической символикой сам, по существу, являет собой сакральный ритуал.

Конфуций призывает трепетать перед тем, что изрекают люди высшей мудрости (16.8), подразумевая под ними в первую очередь древних царей-праведников. Себя же он считает продолжателем и передатчиком их дела и слова (см. 7.1) — значит, его собственная речь, уже только по этой причине, должна содержать элементы, которые вызывают к ней чувство трепетного благоговения, т. е. имеют культовый характер.

Конфуций проявляет особую чувствительность к слову. Как навязчивая идея все время звучит у него требование быть осторожным в том, что говоришь. Характерный эпизод: за повторение учеником строк о «белом нефрите» из песни, призывающей к осторожности в слове, он отдал ему в жены дочь своего старшего брата (см. 11.6). Его максимализм в этом вопросе таков, что косноязычие, затрудненность речи кажутся ему намного предпочтительнее красноречия, и он возводит их в добродетель (см. 4.24; 12.3; 13.27).

Подобное отношение не могло быть продиктовано лишь соображениями обывательской осторожности. Внимательным в речи требуется быть прежде всего для того, чтобы слово не расходилось с делом (см. 4.22). Это стремление среди учеников Конфуция приобретало иной раз курьезную форму. В «Изречениях» сообщается, например, что один из них боялся услы-

шать поучение, думая, что не сможет его исполнить (см. 5.14). Но главная причина такого подхода к слову заключается даже не только в попытке избежать расхождения между словом и делом, а в буквальном понимании «правильного» слова как дела. Именно это представление о речевой магии и выступает у Конфуция на первый план. Благородный муж «прежде видит в слове дело, а после — сказанному следует» (2.13). Речь как органическая часть ритуала есть уже не только речь, но и действие.

Именно в этом заключается главная специфика текста *Луньюя*. Он может показаться кому-то невыразительным, а порой и тривиальным, но лишь в том случае, если видеть в нем простое слово, тогда как это не только слово, но и сакральный ритуальный акт. *Луньюй* от своего читателя требует стать соучастником словесного священнодействия, которым руководит Конфуций.

* * *

И прежде чем читатель откроет первую страницу *Луньюя*, необходимо добавить еще одно замечание, касающееся важной особенности перевода — его текстологической специфики. Существуют давние традиции в понимании и переводе на различные языки основных терминов конфуцианского учения. Это не означает, что к настоящему времени имеется какое-то, пусть даже относительное, единство взглядов по данному вопросу. Исходным во многих работах становится поиск точного и конкретного смысла того или иного слова, однако в результате исследователь нередко оказывается перед целым набором самых различных значений. Тогда начинают говорить об условности принятого перевода, хотя им и продолжают пользоваться.

Но как было выяснено выше, у родоначальника конфуцианства вовсе нет системы четких и доста-

точно однозначных понятий. Это, конечно, не означает, что следует вообще отказаться от поиска соответствующей терминологии. Несмотря на текучесть и изменчивость логических форм в «Изречениях», они все же не превращаются в некую бесформенную, хаотическую массу. Слово у Конфуция имеет, как правило, семантическое ядро и отличается той или иной смысловой направленностью, которую и следует прежде всего отражать в переводе. Конечно, такой перевод в любом случае будет носить несколько условный характер, не исчерпывая до конца смысла оригинала. Но это, видимо, неизбежные издержки, которые могут быть компенсированы введением дополнительных вариантов перевода, выражающих семантические оттенки слова в разных контекстах.

Именно такова проблема перевода, например, такой важнейшей категории в учении Конфуция, как *жэнь*. Первоучитель сам иногда затруднялся в ее определении. Поэтому она представляет, видимо, самую большую переводческую проблему *Луньюя*. *Жэнь* переводят по-разному: «высшая добродетель», «доброта», «гуманность», «человеколюбие», «человечность», «истинно человеческое начало», «благоволение», «милосердие» и т. д. В тексте *Луньюя* можно найти основания для каждого из перечисленных вариантов. Конфуций однажды определил *жэнь* как «любовь к людям». Но он приносил в понятие любви значение экономии, бережливости и считал суть человека не только земной, чисто человеческой, но и небесной. Его «любовь к людям» значила, что надо экономно, бережно относиться к ним как к тому, что представляет небесное начало на Земле. В то же время эта любовь имеет значение благоденствия, милости со стороны вышестоящего лица. С учетом того, что такая милость соединяется с терпимостью и способностью прощать простых людей, становится возможен перевод *жэнь* словом «милосердие» (и я использовал его в своих предыдущих рабо-

тах). И все же «милосердие» не может служить достаточно адекватным отражением понятия *жэнь*, вызывая к тому же несколько иные ассоциации, привычные для западной культуры. Остается, видимо, переводить *жэнь* словом «человечность», отражающим, пусть хотя бы формально и частично, графическую структуру этого иероглифа, который состоит из двух знаков — «человек» и «два», полностью сознавая условность данного перевода. Утешением может служить то, что и его иероглифическое изображение тоже ведь достаточно условно.

.....
————

ЛУНЬЮЙ

————
.....